

Двадцать первому веку

Несутся куры, плодятся дети,
дрожит на полках голландский сыр,
летят амуры по интересёти,
и рвётся штопка у чёрных дыр,

сгорают нервы, как груда досок,
тревога душу кислотно жжёт...
А двадцать первый, смешной подросток,
совсем другого от взрослых ждёт.

Не хочет больше конфет-оладий,
облитых пеной слащавых фраз.
Его бы просто слегка погладить –
тогда бездумно полюбит нас,

вздохнёт спокойно, обнимет крепко,
неспешно сбросит чужой прикид,
в глаза заглянет, обронит метко:
«Я – просто мальчик. Не вундеркинд».

Клубком свернётся, щенок согретый,
поверит, малый, недетским снам,
всплакнёт от песни, не нами спетой,
и улыбнётся... Уже – не нам.

Мистер Март

Он появится в срок, рыхловат и немного простужен,
Расстегнёт не по лондонским меркам пошитый пиджак.

Не успеют очистить до ночи прождавшие лужи
Рябь с жемчужных зеркал, в предвкушении встречи дрожа.

Он окинет меня добродушным и опытным оком,
Пригласив ускользнуть в зыбко-сладостный мир перемен,
В мир, где грёзы наполнятся истовым жизненным соком, –
Мистер Март, вечный фронт, добрый друг, джентльмен.

Убегая, оставим скопившийся за зиму хлам,
И болтушка-капель сохранит наш невинный секрет –
Мы оплатим весну, как пристало друзьям, пополам:
Мистер Март бережлив, но отнюдь не холодный аскет.

У нас уже весна

У нас уже весна, и тает снег на крыше,
Десятая весна – без рук твоих и глаз.
Капель стучит в окно, да ты, наверно, слышишь?
Окошко отворить? Минуточку, сейчас.

Разлуки календарь ещё денек начислил,
А ты – ты, как тогда, застыла у окна.
Колечко теребишь и слышишь мои мысли –
Не ставшая женой, но больше, чем жена.

Не выросли стеной размытые границы:
Привыкли говорить без взглядов и без слов,
Упрёков избегать, винить или виниться
И писем не писать – обид былых послгов.

Капель стучит в окно забытой старой песней –
Дается нелегко ей ранняя весна.
Не рядом мы с тобой, но кажется, что вместе –
Не ставшая женой, но больше, чем жена.

Я знаю, что весной тебе совсем не спится:
Капли перезвон вонзается в виски.
Жаль, не смахнуть слезу, дрожащую в реснице.
За это ты меня прости, прости, прости!

Чудо неземное в стоптанных туфлишках

Чудо неземное в стоптанных туфлишках,
В чашечке непарной – капелька вина...
Голову повесил плюшевый «сынишка»:
Снова мама ночью плачет у окна.

В тайном королевстве небыли и были
Хрупкая граница глазом не видна.
В вечном карауле три цветка застыли –
Видно, тоже чашу выпили до дна.

Вмятиной в подушке – латаная книжка:
Думы, как страницы, вырваны у сна...
Чудо неземное в стоптанных туфлишках
Золушкой забытой стынет у окна.

Отпуская печаль

Я отмою порог от когда-то любимых следов,
Я забуду зарок – до скончания дней не влюбляться.
Горечь прежней любви хороня на аллеях садов,
Кто-то встретит меня нежным ливнем из белых акаций.

Я открою окно, отпуская печаль-пустельгу,
И надежды рядом расстелю на соцветья-сугробы:
Налегке убегу, в полноводие чувств убегу,
Бросив птицам кольцо, не прошедшее Временем пробы.

Пусть они возвратят недалёкого прошлого груз
И былого огни не собьют с незнакомой дороги.
Я за них не боюсь – за тебя по привычке боюсь:
Ведь к последней любви поведут незнакомые боги.

